

Глава 49. Гробница Му-вана (3)

Когда они спустились в подвал, то как раз застали, как больной поздней стадии набросился на пациента с ранними симптомами. Нападение успели остановить, и почти сразу у них на глазах из нападавшего вырвалась целая масса чего-то, похожего на икру лягушки.

Цэнь Цзинь и остальные, уже видевшие эту сцену раньше, держались сравнительно спокойно. Зато пациент на ранней стадии, сидевший с ними в одной комнате, не выдержал — то ли слишком сильно перепугался, то ли его что-то простимулировало: сознание у него внезапно прояснилось. Увидев произошедшее, он сорвался на хриплый вопль, а следом в ужасе вцепился в горло.

— Что происходит? Почему у меня голос такой? Что с моим горлом? Почему я не могу говорить?

Говорить он мог. Просто голос осип почти до полного исчезновения.

Стоявший рядом с Цэнь Цзинем Дин Чжаоцин негромко произнес:

— Сильные эмоции разжигают аппетит «слепого следования».

Тогда Цэнь Цзинь подошел, сжал ладонью плечо мужчины средних лет и сказал:

— Если не возьмешь себя в руки, кончишь, как тот, что был только что. Или мне тебя вырубить?

Но мужчина был уже не в том состоянии, чтобы успокаиваться. Да и кто бы смог? Очнуться в незнакомом темном подземелье, увидеть перед собой человека, который только что пытался тебя убить, а потом внезапно взорвался — и из шеи у него полезло что-то вроде лягушачьей икры... После такого сохранить хладнокровие было бы чудом.

У них на глазах кадык мужчины начал раздуваться — сначала с грецкий орех, потом с кулак.

Цэнь Цзинь со вздохом опустил ребро ладони ему на шею, вырубил, после чего привязал к железному стулу, вколол небольшую дозу успокоительного и затем окатил ледяной водой, чтобы привести в чувство.

Придя в себя, мужчина вспомнил все, что произошло только что, перевел взгляд на Хуанмао и остальных — и почувствовал себя так, будто смотрит на шайку безумных маньяков. Его затрясло, он отчаянно попытался вжаться назад, но тело было ватным, и ничего у него не вышло.

— Мы не собираемся причинять тебе вред, — сказал Цэнь Цзинь. — Нам нужно только задать несколько вопросов.

У мужчины от страха подрагивали даже складки на лице. Цэнь Цзинь нахмурился: тот по-прежнему был слишком взвинчен.

Он уже подумывал, не вырубить ли его снова, когда Ван Линсянь плеснул ему в лицо таз холодной воды и холодно бросил:

— Ну что, пришел в себя? Мозги заработали? Если бы мы хотели тебя убить, то не стали бы спасать, когда тот больной с разорванной шеей на тебя кинулся.

Мужчина понемногу успокаивался. Он с подозрением оглядел шестерых, а когда взгляд его остановился на Дин Чжаоцине, на миг замер: сперва залюбовался, потом явно испытал отвращение — видимо, сообразив, что они одного пола.

Отлично. Эмоции пришли в норму.

Именно так это оценил Цэнь Цзинь.

— Это вы меня спасли?

— А то кто же? — отрезал Ван Линсянь. — Иначе от тебя бы уже костей не осталось. Ты ведь сам пришел караулить у ворот нашего поселения. Не из-за «зомби-болезни», при которой люди жрут людей?

Из-за сходства симптомов «болезнь Красной лягушки» в сети уже окрестили «зомби-болезнью».

Выражение у мужчины стало странным. Ван Линсянь оглядел его с головы до ног и усмехнулся:

— Ты не родственника лечить сюда пришел. Ты пришел поглазеть.

Мужчина неловко усмехнулся и, продолжая сипеть, хотел что-то сказать, но Цэнь Цзинь оборвал его, протянул телефон и произнес:

— Тебе сейчас лучше не говорить. Печатай. Для начала коротко расскажи о себе. И не ври. Иначе мы тебе не поможем.

Мужчина мигом запаниковал, вцепился в телефон и стал строчить, что с ним такое

происходит.

Цэнь Цзинь только спросил:

— Прежде чем идти смотреть на чужую беду, ты вообще не подумал, что сам можешь подхватить заразу?

Мужчина быстро набрал текст, а программа озвучила его механическим голосом:

— Вы хотите сказать, что я тоже заболел зомби-болезнью? Но меня же никто не кусал.

— Мы до сих пор не знаем, каким путем передается эта дрянь, — сказал Цэнь Цзинь. — Поэтому ты должен рассказать все до последней мелочи.

— Что со мной будет?

Все промолчали. Через некоторое время Хуан Цзян показала на лежащий на полу труп с отделенной от тела головой.

— Поздняя стадия.

Мужчина сразу побелел. На глазах выступили слезы. Он долго собирался с духом, прежде чем снова начал печатать.

— Меня зовут Тянь Юйкан. Я блогер. Раньше на одном малопопулярном форуме я видел два видео. В первом в канаве между полями появилась куча краснокожих лягушек, и они пожирали друг друга. Выглядело это как зомби-апокалипсис из фильма: даже лягушка, от которой осталась одна голова, все равно продолжала кусать и жрать. Тогда мне стало немного любопытно.

По-настоящему же я решил заняться этим делом после второго ролика с того же форума — уже из больницы.

Там женщина без одной руки бросилась на односельчанина напротив и одним рывком выдрала ему голосовые связки. Видео было настолько жутким и кровавым, что на форуме его даже пытались разоблачить как фальшивку. Но мне показалось странным поведение этой женщины — оно напоминало ту лягушку из первого ролика.

Тогда я и приехал сюда, в больницу, разбираться. Обнаружил, что весь этаж с операционными перекрыт, а туда-сюда ходят вооруженные до зубов бойцы полиции. И понял: видео настоящее.

Потом я через знакомых покопался и выяснил, что в тот день в больницу доставили больше десятка человек, официально — после драки... Но сами подумайте: какая это, к черту, драка, если люди выгрызают друг из друга плоть?

К тому же все они были из той деревни, где появились краснокожие лягушки. Я решил, что это какая-то новая форма безумия — вроде коровьего бешенства или бешенства обычного. Ну и, честно говоря, хотелось раскрутить громкую историю. А когда я узнал, что у ворот мяочжай соберутся люди с похожими симптомами, то просто смешался с толпой и пробрался внутрь.

Официально главный поселок клана призрачного гу выдавали за мяочжай народа шэнмяо.

Тянь Юйкан немного передохнул, а потом вовсе перешел на чистый текст:

— Когда я проник внутрь, то опросил многих. Выяснилось, что часть больных своими глазами видела ту резню у дверей операционной, а часть разводила в деревне лягушек — и у них дома лягушки тоже вдруг начали пожирать друг друга. Только не краснокожие.

Были и такие, кто жил в соседних городах, довольно далеко отсюда. Все они, как сговорившись, повстречали одного белолицего, интеллигентного с виду молодого человека. Он называл себя древнешуским пророком и нес какую-то чушь про Богиню-мать и пришествие Государства Куньлунь, звал вступать в секту и обещал, что Богиня-мать дарует им бессмертие.

Они решили, что он псих, и пытались сдать его полиции, но каждый раз ему удавалось сбежать.

А вскоре после встречи с ним они начинали болеть.

Хуан Цзян тут же спросила:

— Ты выяснил, как именно у них проявлялась болезнь?

— Да, — ответил Тянь Юйкан. — Сначала они надолго замирали, сидели как в прострации. Потом у них опухал кадык. В конце он раздувался до размеров, будто у человека тяжелейший зуб.

На этих словах Тянь Юйкан машинально схватился за собственное горло.

Под пальцами ощущалась опухоль размером с яйцо.

Он застыл.

Он и правда заразился.

Эти люди не обманывали его.

— Вы же меня спасли... Спасите до конца, умоляю. Я не хочу умирать.

— Расскажи нам все, — сказала Хуан Цзян.

— Да... да.

Он застучал по экрану быстрее.

— Потом больные либо сидят, уставившись в одну точку, и спят, как растения, либо становятся ненормально агрессивными, бьются о стены, как крысы в клетке. Иногда они долго смотрят на свет или на движущиеся предметы. Тогда я и вспомнил про лягушек. Они же впадают в спячку, а если нет еды, брачного периода или борьбы за территорию, часто ведут себя очень раздражительно. И, кажется, видят только движущееся.

Это ранняя стадия.

Когда шея раздувается, как при зобе, — это уже средняя стадия. Тогда больные начинают бесцельно бродить. Родные рассказывали, что порой просыпались ночью и видели, как больной сидит на корточках у изголовья кровати и в упор смотрит на них. До смерти можно перепугаться.

На этом месте лицо Тянь Юйкана исказил ужас, щеки задергались.

— О... одна женщина тайком сказала мне, что спрятала камеру напротив кровати, в ногах. Снимала три дня. И наконец-то записала, чем ее заболевший муж занимался по ночам. Он открыл рот, сильно, очень сильно опустил голову... а шея у него вытянулась так длинно, что... что согнулась, будто там вообще не было костей... Да, кстати, я забыл сказать: к этому времени опухоль на шее у него вдруг спала, но говорить он с тех пор больше не мог. Стал очень мрачным. И смотрел на жену так, словно перед ним кусок мяса.

Так вот... он опустил голову, почти уткнулся лицом в ее спящее лицо и смотрел, не отрываясь, наверное, целый час.

А потом открыл рот, высунул язык. Язык был ярко-красный, длинный, как у повешенного. И он прямо засунул его ей в рот. Не знаю, что именно он туда впрыскивал.

Тянь Юйкан дрожал без остановки. Как блогер, привыкший зарабатывать языком, он владел словом отлично: несколькими сухими штрихами сумел нагнать такого ужаса, мерзости и

отвращения, что даже воздух вокруг стал плотнее.

А обстановка в подвале и без того не способствовала спокойствию: пустые железные клетки, хирургические инструменты, облупленные стены, кое-где засохшая кровь, мигающий свет под потолком. Все присутствующие были уже не мальчишки и видывали всякое, но страх — вещь инстинктивная.

Юй Вэнь так дрожал, что ноги ходили ходуном, и прижимался к Хэ Синчуню. У того уже зуб на зуб не попадал.

Хуан Цзянь тоже пробрал холодок. Ван Линсянь откровенно мутило от омерзения.

Что до Дин Чжаоцина... он не человек. Такому читеру в списке не место.

Хуанмао тоже стало не по себе, и он решил что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку.

— А на черно-белой записи тоже было видно, что язык ярко-красный?

— ...

Тянь Юйкан уставился на него.

— Художественное преувеличение.

— А.

После этого колкого замечания в комнате воцарилось молчание, но гнетущая жуть и правда слегка рассеялась.

Хуан Цзянь спросила:

— Ты так и не сказал, почему заразился сам.

Тянь Юйкан растерянно вытаращился:

— Да я сам не понимаю! Я специально держался от них подальше, особенно от больных. Разве что обед и бутилированную воду мы покупали вскладчину... Неужели дело в еде? Но я же все тщательно проверил и потом еще хорошенько разогрел! Не могло же там быть проблемы!

— Возможно, дело в воде, — сказал Цэнь Цзинь.

— Но бутылки были запечатаны!

— Среди четырехсот человек наверняка найдется кто-то, кто работает на водозаводе, — спокойно пояснил Цэнь Цзинь. — Подмешать что-нибудь в воду, потом запечатать как фабричную, привезти на место — и все. Как бы человек ни осторожничал, он вряд ли станет подозревать нераспечатанную бутылку.

Тянь Юйкан надолго замолчал, а потом вдруг выдал:

— Хуанмао, пожалуйста, не говори. Каждый раз, когда ты открываешь рот, у меня разбивается сердце и умирает душа.

— ...О.

Цэнь Цзинь обернулся к Хуан Цзян и продолжил:

— «Красная лягушка» попадает в организм через рот. Она прожорлива, поэтому, думаю, не хочет ждать, пока доберется до внутренних органов, и поселяется прямо в горле. Возможно, она выделяет какую-то жидкость, парализующую сознание. Из-за близости к мозгу это влияет и на психику.

На ранней стадии она растет и делится. На средней начинает испытывать голод, жаждать крови и мяса, заставляя носителя нападать и пожирать, пока не опустошит шею. На поздней стадии особей притягивают сородичи, и они начинают атаковать других больных.

И еще: те «сохранившие разум» пациенты вовсе не обладают независимым высшим интеллектом. Они просто подчиняются инстинкту голода: если еды нет, они выращивают себе пищу сами.

Хуан Цзян быстро все записала, но тут же задала новый вопрос:

— Однако первый «больной», который начал выращивать себе пищу из членов семьи, сумел ускользнуть еще до того, как мы его схватили. Это доказывает, что у него был разум.

— А может, это уже эволюция, — предположил Цэнь Цзинь.

— Неплохая мысль. — Хуан Цзян кивнула. — Но если больной эволюционировал, можно ли его еще считать пациентом «Красной лягушки»?

— Поймаем одного и разберемся.

— Логично.

Ван Линсянь вмешался:

— Как звали того первого сбежавшего больного?

— А? — Хэ Синчунь задумался. — Кажется, Хэ Гуй. Он жил в деревне возле Леса призрачных бамбуков.

— А кто был первым, кто сошел с ума? Где он бывал? С кем контактировал? Это выяснили? — спросила Хуан Цзян.

— Первый сошедший с ума тоже был из той деревни, — ответил Хэ Синчунь. — Расследование показало, что все те люди оказались из числа тех, кого во время резни краснокожих лягушек отогнали прочь и не дали смотреть. Первый безумец сам предложил идти в Лес призрачных бамбуков, но у входа в бамбуковую чащу вдруг свалился без сознания от страха. Остальные в панике разбежались. Потом все подозревали, что он притворился — на самом деле успел войти в лес. Только никто не знает, что именно он там увидел.

— Куда ни копни, все снова упирается в Гробницу Му-вана, — сказал Ван Линсянь.

Юй Вэнь предположил:

— Выходит, эту Красную лягушку вынесли именно оттуда?

Остальные решили, что такое вполне возможно. Ван Линсянь предложил отправиться к Гробнице Му-вана, но Хуан Цзян заметила, что там уже сидят старейшины клана и У Лань — и, скорее всего, внутрь их не пустят.

Ван Линсянь спокойно ответил:

— Я несколько раз работал с У Лань. Меня и Тутэна она пустит.

— А мы? — спросил Юй Вэнь.

— Старайтесь, — равнодушно отозвался Ван Линсянь.

Так Ван Линсянь одним махом бросил на произвол судьбы Юй Вэня, Хуан Цзян и Цэнь Цзиня.

Но Цэнь Цзинь предложил новую зацепку:

— Есть еще тот самый «пророк». Очень возможно, что он уже заражен эволюционировавшей формой Красной лягушки. И раз уж он везде твердит про Богиню-мать и Государство Куньлунь, то, возможно, знает всю подноготную.

— Хочешь сказать, нам надо искать этого «пророка»? — спросила Хуан Цзян.

— Да.

Речи о «Богине-матери» были слишком похожи на слова того заклинателя призрачного гу из старого дома. А еще Цэнь Цзинь вдруг вспомнил, какими знакомыми показались ему те четыре сотни людей, столпившихся в переулке: кто с бамбуковыми палочками, кто с пучками соломы.

Разве не точь-в-точь как одно массовое истерическое помешательство, случившееся в области Гуаньчжун во времена династии Хань больше двух тысяч лет назад?

Тогда свыше тысячи простолудинов, держа в руках бамбуковые дощечки и солому, двинулись из Гуаньчжуна к столице, в безумном поклонении Си-ван-му, и всякого встречного тащили с собой. Разве это не похоже в точности на нынешних больных «Красной лягушкой»?

Но важнее всего был именно «пророк».

Те же две тысячи лет назад, подстрекаемые неким пророком, люди поливали первую опору священного пути на склоне Пещеры Четырех Морей, а бесчисленные дети погибли, став живыми сваями. Цэнь Цзинь до сих пор помнил ту муку в иллюзии, когда его, словно одного из тех детей, заливали белой известью через рот и нос.

Хуан Цзян прикинула варианты:

— Ладно. Тогда Дасянь потом передаст пару слов старшему брату Ту, и пусть он сразу идет к Гробнице Му-вана. А мы втроем отправимся ловить пророка.

Юй Вэнь и Цэнь Цзинь возражать не стали.

— Мне без разницы, — сказал Дин Чжаоцин.

Так маршрут и был определен.

Тянь Юйкан робко спросил:

— А... а я?

— Мы уже вызвали полицию, — сказала Хуан Цзян. — Скоро придут специалисты. Посмотрим, смогут ли они помочь тебе... например, сделать операцию и что-нибудь вырезать...

— Погодите, — выпалил Тянь Юйкан. — Неужели с таким вообще полиция справится? Тут не шаманы, даосы и мастера фэншуй нужны?

— Будь научнее, — Хуан Цзян забрала у него телефон. — Я вообще-то подлинная наследница клана призрачного гу. А ты посмотри потом на те дистилляторы и чашки Петри у тебя за спиной: единые стандарты, научное разведение. Надо шагать в ногу со временем.

Для Хуан Цзян и остальных таинственные искусства гу и вся эта жуткая нечисть были всего лишь особой, никогда не обнаруженной областью биологии.

Просто исследовать эту область было не легче, чем черную дыру во вселенной.

А черная дыра для человечества столь же загадочна и столь же страшна.

— Мне можно быть спокойным? — с отчаянием спросил Тянь Юйкан.

— Можно, — ответил Цэнь Цзинь.

Тянь Юйкан сорвался:

— Хуанмао, молчи!

Желтоволосый нытик: меня дискриминируют. Ц-ц.

Дин Чжаоцин посмотрел на него и расплылся в сияющей улыбке.

***

Ответ от филиала Организации пришел очень быстро. Сообщение о том, что инцидент с Красной лягушкой, вероятно, перерастет в масштабную эпидемию, немедленно передали в столичную штаб-квартиру. Оттуда тут же поступил приказ: в срочном порядке направить ближайшую команду хирургов высокого класса, а заодно выслать профессиональную следственную группу и спецотряд. Правительствам Сычуани, Чунцина и Гуйчжоу предписывалось действовать по обстановке; если ситуация резко ухудшится — допускалось закрытие города.

Уже к ночи медицинская группа, следователи и спецотряд прибыли в уездный центр и совместно с вооруженной полицией взяли на себя контроль над четырьмя сотнями больных.

Главный поселок клана призрачного гу был оцеплен вооруженными силами. Детей и тех членов клана, кто слабо владел искусствами шаманов, гу и призрачного пути, отправили жить в гостиницу. Все списки входивших и выходивших из больницы в тот день заново перепроверили. Всех, кто контактировал с четырьмя сотнями зараженных, особенно родственников и близких друзей, поместили как группу повышенного риска.

Соседние деревни и сам уезд тоже взяли под наблюдение, параллельно разыскивая того самого «пророка», о котором говорил Тянь Юйкан.

На следующий день Ван Линсянь отправился к Гробнице Му-вана.

Хуан Цзян и Юй Вэнь пошли бродить по уездному центру, а Цэнь Цзинь с мрачным видом спросил, не накрылась ли его высокооплачиваемая подработка.

Хуан Цзян лишь вздохнула: Хуанмао, как всегда, оставался безнадежно унылым. Перед лицом такой великой миссии, как спасение народа, он умудрялся переживать только о шабашке. Видно, эту соленую рыбу уже намертво просолили.

— Меняем задачу. Ищем пророка. Двадцать восемь юаней в час.

Цэнь Цзинь тут же оживился:

— Я согласен на сверхурочные.

— За переработку двойной ставки не будет.

— И так сойдет. Я все равно не в минусе.

Желтоволосый нытик — официальный амбассадор трудового люда.

— Вы двое в паре, — распорядилась Хуан Цзян. — А я с Дин Чжаоцином. Разделимся и будем искать с двух сторон.

— Ладно. Мы с Юй Вэнем пошли.

Проводив взглядом Хуан Цзян и Юй Вэня, Цэнь Цзинь обернулся к Дин Чжаоцину.

Тот неторопливо поднял указательный палец:

— Я помогу тебе искать пророка. В придачу — следующее совместное развитие домена мозга. В оплату отдашь мне верхнюю половину тела.

— Ну и расценки у вас, — хмыкнул Цэнь Цзинь.

Обойдя его, он заскочил в уборную, вызвал Хижину в лесу и приоткрыл деревянную дверь. За ней были трое малышей. Он присел на корточки и позвал Обиженное дитя:

— Выйди. Есть разговор.

Обиженное дитя бросило взгляд на Дин Чжаоцина за спиной Цэнь Цзиня. Тот, явно заскучав, отошел в сторону.

— Что за дело? — спросила дитя. — Если хочешь просить меня о помощи, у меня будут условия.

— И чего ты хочешь?

Ого. Сговорчивая какая.

Обиженное дитя осторожно сказала:

— Я хочу ящик колы.

— Идет.

Дитя решила, что раз помощь так нужна, можно и надавить посильнее.

— Нет, хочу два ящика колы. И еще еду, замороженную в старом доме. Две штуки. И ты обязан пообещать, что не вздумаешь заставлять меня ходить в школу вместе с Ли Маньюнь.

Цэнь Цзинь молча посмотрел на неё. Тон у него оставался вполне мирный:

— Насчет школы — это как получится.

Лицо Обиженного дитя исказилось.

— Нет! Иначе даже если встанешь передо мной на колени и будешь умолять до смерти, я не соглашусь!

— Тогда две недели без кормежки. И без колы, — невозмутимо ответил Цэнь Цзинь. — И с чего ты решил, будто на свете только кола — чудесная еда? Ты ведь даже не знаешь, что такое молочный чай и лимонад.

Из-за двери высунулась Ли Маньюнь:

— А это что?

— Иди обратно делать уроки. Тунлинтоу, присмотри за ней.

Оба тут же недовольно спрятались обратно. А Обиженное дитя, прикинув выгоду и потери, все-таки согласилась.

— Ладно. Говори, что тебе нужно.

— Помнишь того пророка, который обманул твоих родителей и заживо закопал тебя в опору священного пути?

При этих словах лицо Обиженного дитя стало совершенно бесстрастным.

Но трещины на его коже вдруг резко расползлись.

Спокойное, жуткое лицо выглядело опаснее любой ярости.

— Где... он?

Бац!

Зеркало в ванной внезапно разлетелось вдребезги, а от Обиженного дитя хлынула убийственная злоба.

— Я как раз его ищу, — сказал Цэнь Цзинь. — Говорю тебе, потому что хочу помочь тебе отомстить.

— ...?

Переполненная ненавистью Обиженное дитя вдруг растерялась.

Хуанмао... хочет помочь ей отомстить?

Она смотрела на Цэнь Цзиня, не понимая ровным счетом ничего. И вдруг в её груди — холодной и твердой, словно набитой известью, — что-то едва заметно шевельнулось.

Тихое «тук».

Но почти сразу все снова стихло.

Ни человек, ни нечисть этого не заметили.

Только сидевший в гостиной Дин Чжаоцин поднял глаза и посмотрел на неплотно прикрытую дверь уборной.

Выражение его лица было непроницаемым.

<http://bllate.org/book/13658/1591401>